

ББК 67.367
Ф98

ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. Выпуск 7.
Ф98 – М.: МГИУ, 2007. – 265 с., 4 с. ил.

ISBN 978-5-2760-1148-6

Седьмой выпуск специализированного альманаха содержит исследования и очерки по истории институтов и форм монархии Нового времени в Европе и России, истории монархической политико-правовой философии. Публикуется перевод значительных работ прусского короля Фридриха II, посвящённых теории монархии и законодательства.

Как и первые выпуски (2000–2006 гг.), альманах адресуется специалистам – юристам-государствоведам и историкам права, а также изучающим историко-правовые дисциплины, историю политической и правовой мысли.

ББК 67.367

Редактор – составитель
О.А.Омельченко

ISBN 978-5-2760-1148-6

© Омельченко О.А. – состав, предисловие, 2007
© Авторы статей, 2007
© МГИУ, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследовательские, научно-публицистические и документальные материалы настоящего выпуска Ежегодника посвящены разным институциональным и идейно-правовым аспектам **монархической организации** правого-государственного устройства общества. Хронологически предлагаемые вниманию статьи и публикации посвящены монархии Нового времени, в геополитическом отношении – Европы и России. Однако затрагиваемые политико-правовые проблемы и историко-политические характеристики далеко (не всегда по замыслу авторов, но в силу содержания самих проблем) выходят за рамки одной эпохи и точного политического «пространства». Некоторые – связаны с идеями и государственно-политическими вопросами и спорами, принадлежащими самой жгучей Современности. Это – и многое иное – обязывает хотя бы до некоторой степени соотносить исследуемые здесь или только затрагиваемые проблемы со всем тем огромным комплексом явлений – институциональных, идейно-политических и идейно-правовых, научных и мифологических, культурных и организационно-иерархических, принадлежащих реальной социальной жизни и религиозных, – которые порождены в государственно-политической истории общества монархической его организацией.

В продолжение более чем четырёх с половиною тысячелетий мировой государственно-политической истории **монархия** была почти синонимом государственности, монархическая организация управления власти – тождеством государственной организации вообще. В своё – и на фоне такого культурного пространства – весьма не далёкое от нас время историческое и политико-юридическое *обнаружение* существовавшей в дальнем прошлом немонархической государственно-политической организации было именно открытием, требовавшим подчас для заявления о нём некоторого научного или творческого мужества. Многие в далёкой истории, что вполне или не вполне не вписывалось в каноны монархического устройства, объясняли по-особому, обосновывали собственными причинами, «подделявали» под монархию – до неразличимости или даже фальсификаций. Всё это особым образом предопределило и бесспорно извратило течение и эволюцию политико-правового *восприятия* феномена монархии, а в свою очередь – и возможное размышление о возможной, необходимой и достаточной форме государственности, о смысле государственных отношений, возрастающих на разных стадиях формирования и усложнения общества – от общинно-

родового или полисного уклада до институализированного «гражданского общества».

Такое, сформированное самой государственно-политической историей тождество предопределило в научном и тем более общекультурном дискурсе вполне очевидное на день сегодняшней *избыточное и далеко не полезное абстрагирование* в отношении к монархии как форме государственной организации и вместе с тем к укладу предпосланных этой форме социально-государственных отношений.

Монархия — далеко не синоним любой единолично контролируемой право-политической организации, отмечаемой в истории Государства и Права. Или — в более определённых терминах — монархия — только *одна из форм монархического отправления политической власти*. Как таковая вариация, она предполагает только ей присущие институциональные свойства, только с ней связанные соотношения с правовыми отношениями в обществе в целом, только для неё обязательные культурные феномены, если не вообще ситуативность только такую институциональную организацию рождающих властно-государственных отношений в обществе в конкретных исторических условиях. И во всяком случае предполагает свой определённый *период и исторические условия формирования*, а возможно — и вообще право-организационного существования в далеком не равной и не единонаправленной мировой истории.

Первостановление государственных отношений в истории первичных и хотя бы в какой-то степени социально самостоятельно развивавшихся цивилизаций выразилось в *повсеместном и исключений не знающем* формировании монархической раннеполитической организации, ещё весьма относительно институализированной, под именем *протогосударства* (chief-dom). Здесь собственно наличие политически значимого «вождества» — единоличного воплощения высшего уровня раннегосударственных отношений — и полагается необходимым знаком прохождения этой стадии (и формы) государственных отношений. Однако вряд ли правомерным и познавательно-полезным (а чему ещё могут служить все понятийные обозначения т.н. второго и третьего порядка, к которым относятся категориальные обозначения форм государственной организации) было бы характеризовать единоличные правления эпохи протогосударств как *монархию*, хотя и в некоей «примитивной» или «неразвитой» форме. Единоличное правление здесь, хотя бы и максимально доминантное (в весьма узких пределах, вообще возможных для властной деятельности на той стадии жизни общества) — только продолжение сложившегося волею случая или персональной деятельности «вождества» примитивных социальных иерархий, оно слишком увязано с ценностями мифологии или ранней религии, оно совершенно не взаимодействует с тем, что рядом формируется как будущее Право. И ни одной право-государственной черты монархии, как только ей присущих, здесь ещё невозможно выделить — ни в культуре, ни в религии, ни в институтах. Кроме разве мало что определяющих в государственно-

политическом процессе моментов особой концентрации или «законченности» общественного сознания или религиозно-культурных стереотипов.

Всё сказанное почти в такой же степени может быть отнесено и к единовластной право-политической организации — порою относительно стабильной — древних обществ на этапе т.н. *ранней государственности*: от библейских «царств» и ближневосточных деспотий до вождейств и тираний ранней Античности, от военного лидерства Маурьев до сакрализованной институциональности «правителей Поднебесной».

Историческое первоформирование монархии как специфической и сохраняющей эту специфику на *всём протяжении* эпохи своего государственно-политического существования приходится на **период IV в. до н.э. — III вв. н.э.**

Первыми из известных государственно-политических «путей» формирования подлинной (и только в неблизкой перспективе) монархии стали эллинистические монархии античной Греции и Ближнего Востока, основанные во многом военно-политическим организационным принципом, преобразовавшимся в стабильную и в ряде отношении новую административную и вообще правоприменительную организацию. Ближним, но всё-таки несколько *отдельным* путём сложилась цезаристская монархия Древнего Рима — её институты и государственно-политические образцы (не исчисляя правовых и культурных идеалов) сыграют совсем особую роль в последующем историческом установлении монархии как типа *всемирно господствующей* государственной организации.

Вторым «путём» формирования подлинной монархической организации — правда, несколько в более поздний период IV–VII вв. (в Европе, некоторых странах Востока) — стала феодализация варварских государств и становление выросшей из военно-политических отношений иерархической властной и административной организации. Именно тогда в реальность социально-государственных отношений, рождающих ту или иную форму институциональной организации, вошли начала *сословности* и *административной иерархии*, вне которых невозможно представить историческое бытие подлинной монархии и которые образуют первые основополагающие её отличия от монархии вообще.

Совершенно особое значение в историческом становлении монархической организации — и не только по отношению к Европе — имела государственная история **Византии IV–XV вв.** Здесь, на основе цезаристской монархии Рима, сформировались и укрепились завершённые формы институциональной и правовой организации монархии — и прежде всего, принципиально важные принципы *правовой обособленности* монархии, выделения *отдельного монархического права*, замыкающегося на собственные источники, идеалы (включая религиозные), и, что не менее важно, признаваемого в качестве такового в социально-государственных отношениях в целом. Государственно-политический «опыт» Византии оказал влияние на утверждение, в свою очередь, монархической организации не только в «старой» Европе (питавшейся римским государственно-правовым

наследие), но и в славянских государствах, а также в новообразующихся на Ближнем Востоке тюркских державах. Для позднейшей истории европейских монархических организаций право-государственная традиция Византии имела ещё и особое значение тем, что здесь на основе исторического римского права сложилась выверенная система публичного права подлинной монархии, а вместе с тем и её публично-правовой идеологии, включая и столь важные для социального бытования взаимосвязи с церковными идеологемами христианства.

К периоду **Высокого Средневековья (XIII в.)** монархия — уже безусловно господствующая и почти не знающая исключений форма государственной организации — не только в Европе, но и в государствах Азии.

Эпохой расцвета монархии как формы государственной организации стало **раннее Новое время (XVII—XVIII вв.)**. Монархия обрела высшую для себя историческую форму — **абсолютизма**, — которая выявила всю полноту государственно-политических и право-государственных начал, необходимых и обязательных для подлинно монархической организации. Но вместе с тем именно в этот период стали всё более и более обнаруживаться глубинные несовершенства и административно-политические изъяны *по природе* присущие монархическому строю государства. Изъяны и несовершенства поначалу вызвали только идейно-критическое отторжение идеалов монархического устройства, затем политические кризисы, ситуативно сложившиеся в отдельных странах, и, наконец, исторический период эволюционного — или революционного — преобразования в **конституционную монархию**, которая стала, по всей вероятности, *последней возможной* государственно-политической формой подлинной монархической государственности. Обрывочные институты монархической или псевдо-монархической организации, условные формы т.н. «парламентской монархии», характеризующие государственно-правовые системы значительного ряда государств Современности, *не имеют отношения* (кроме исторической традиции происхождения) к подлинно монархической государственности. Время монархий ушло, и «истинные короли исчезли — одни за другими». В том числе и потому, что из социально-правовых отношений и возможных векторов социально-государственных связей ушли правовые институты, идейные смыслы, культурные стереотипы и ценности, вне которых и без которых рассуждать о монархической организации — что исторически, что применительно к «идеалам Современности» — праздное и порой исполненное иных мутных смыслов интеллектуальное занятие.

Можно сколько угодно распространяться о некоем «корне Самодержавия» или «подразумеваемом смысле» монархии, о принципе народности или высшем религиозном предназначении того, бывшего, Единовластия. Но нельзя абстрагироваться от того непреложного факта, что в каждом конкретном — геополитически и исторически — «момента» монархического бытия государственности на правоположенном престоле пребывало не «мистическое воплощение», а Человек — со своими страхами и амбициями,

* См.: Duverger M. La monarchie républicaine. Paris, 1974. P. 15.

своей мерой познания мира и понимания Права и Государства, порой даже не представлявший кризисного (или иного) состояния своего общества, своего государства, мифологично представлявшего собственный народ и, соответственно, *абсолютно не ориентировавшийся* вдалеке не простых социально-государственных отношениях, временным итогом равнодействия векторов которых была его собственная власть. Разрыв между должным и реальным в этой сфере становился особенно разительным с эпохой Нового времени, когда усложнение общественных связей привело к небывалому и неуклонному умножению функций государственности и целей регулятивного правоприменения. Притом, что монархия — в одном из основополагающих своих принципов — возможна как достаточно *простая властно-иерархическая организация*. Требование усложнения этой организации неминуемо вело к деформации самого начала монархии — что точно, хоть и несколько грустно подметил в своих рассуждениях о монархическом государстве проницательный политик и сам деятельный монарх эпохи Фридрих II: необходимость административного распределения власти в несколько-нибудь большом государстве неминуемо преобразует в праве монархическую в нём организацию в на деле *аристократическую*, а то и в худшем виде олигархическую.

В историческом «случае» монархической организации в мировой истории государственных и правовых институтов разрыв между идеальным, политически *должным* и реально существовавшим вообще едва ли не наиболее значителен — из всех прочих выделяемых типов государственно-правовой организации. В какой мере он был лишь выявлением природных изъянов монархии как типа государственности, в какой проявлением вообще несовершенств любых человеческих установлений — на эти вопросы отвечает конкретная историография и применительно к конкретному историко-политическому «случаю». Любое философствование — тем более запоздалое — здесь вряд ли уместно. Но одно можно считать почти непреложным: с этим разрывом во многом (безусловно не во всём) связано историческое крушение монархической организации. Политически в большинстве случаев оказавшееся довольно простым. Исторически — вызвавшим подчас катастрофические последствия для социально-государственных отношений в нации, общего уровня национального правосознания и судеб народа. Особенно тогда, когда монархия была единственным стержнем имперски построенной государственности.

Укоренённая в праве страны социальная иерархия (в европейских странах сословная, в арабских и центрально-азиатских — служилая, совсем особая, административно-сословная — в Китае и типологических близких ему странах) образует необходимую социальную основу монархической государственности. Подлинная **монархия немислима без дворянства** — подвластного ей, питающего его, но вместе с тем оппонирующего её чрезмерности и не позволяющего выродиться монархии в произвольно диктаторское установление, вполне возможное на краткое время, но гибельное в несколько-нибудь стабильной перспективе. Дворянства, хранящего свои со-

циальные связи, свои права и привилегии, социально первоответственного в определённый исторический период за правовую уровень социально-государственных отношений нации в целом. В этой своей особой исторической роли дворянство в какой-то мере противостояло всей прочей нации своей страны — и не случайно крушение или распад подлинных монархий сопровождалось непрерывным кризисом дворянства не только как сословия (уходящего корнями в феодальное общество/государство), но и как социально-культурной традиции, как социально-моральной ценности, хотя порой идеализируемой без нужды и исторической обоснованности. И совершенно недостойной социальной забавой, своего рода «компьютерной игрой» современного, развращённого незаслуженно воспеваемыми мнимыми добродетелями детской непосредственности социума являются разного рода попытки возрождения канувших в Лету культурных институтов, правовых взаимобязанностей и друг., некогда служивших только социальным связям Дворянства и Монархии.

Впрочем, в этом, может быть, есть и собственная закономерность — как закономерно рождение бесовщины на обнажившемся месте самим на роде поруганного Храма.

Завершающая историческая стадия государственно-политической жизни монархии знаменовалась рождением нового идеала — порой даже временно институализируемого на место подлинной монархичности — особую «народной», а по сути плебейской монархии — извращённой в своей сути, особенно страшной в воспеваемых идеалах совершенной «народности», «служения государству», административной и правовой неограниченности. Монархии открывавшей, как правило, дорогу военно-политической диктатуре и внутривнутриполитическому террору во имя мифов «равенства» и «справедливости». Применительно к истории России, в частности, один из мифов такой плебейской монархии — идея о якобы непреходящем всеединстве в российском монархизме и ценностей православного христианства, в свете которой вся государственно-политическая история России должна представляться непременно особым сакральным смыслом исполненным «путём» и даже политическим призыванием к воплощению на земле некоего невятного, то ли политического, то ли культурно-морального идеала.

Несомненной исторической очевидностью культурно-политического ареала монархии в системе присущих её бытованию социально-государственных отношений была взаимосвязь идейно-правовой составляющей этой организации с ценностями и принципами религиозного содержания: в европейской монархии — христианства, но в не меньшей, а может и в большей степени в азиатских — ислама, синтоизма или конфуцианства. Конструирование некоей особенности идейно-правового строя российской монархии в её «непознаваемой» взаимосвязи с устами православной веры порождено всё тем же мало научно продуктивным абстрагированием от истории монархической идеи в Испании (Доносо Кортез) или Франции XIX в. (Ж. де Местр, Л. Бональд), когда столь же обязательным устоем государственности возглашались ценности на тот раз западно-христианского католицизма.

И крайне печальным итогом этой современной псевдодублицистики на сей счёт становится очевидное смыкание такой мнимой реконструкции корней и ценностей русской монархии с самой заурядной плебейской комистерией о «бывшем» — с его мифическими идеалами («соборности», «всеединства», «моральности»), в кругу которых, как оказывается, подлинный монархизм интересен как раз менее всего.

Подлинная система социально-государственных отношений нации, необходимая для подлинного монархизма, действительно предполагает совершенно особый *строй правосознания* — с неукоснительными ценностями признания смиренной сдержанности и вместе с тем уверенности в прочности личного статуса, особого осознания социальной иерархии как необходимой, особой духовной укоренённости и привязанности к почти иррационально осознаваемой традиции, предпочтению консерватизма и связанным с ним путём необходимого совершенствования личности, нации и государственности.*

Подлинная монархия — от идейно-культурного идеала до самой очевидной организационной институционности — действительно немислима без определённого качества правосознания. Как и без определённой социально-культурной *иллюзии* — без которой невозможна та самая «магия монархии», которая сопровождает и сопровождает социальное бытование монархизма как государственности в прошлом и как идейного мифа в настоящем.** Но насколько полезно и, как это ни примитивно звучит, *хорошо* перенесение этих иллюзий и сопровождающих их мифов в научные сознание и дискурс?

Кроме всего, особый строй правосознания очевидно должен предлагаться и для второй стороны — для собственно носителей идей и прав монархизма (о чём вряд ли по забывчивости умолчал И.А. Ильин). Далёко не случайно весь исторический путь монархии (не только в Европе, хотя в ней преимущественно) сопровождался социально-культурным поиском неких стержневых, в самом абстрактном смысле конституирующих и конституционных начал, которые бы, помимо прочего, сформировали новый уровень общественного согласия по поводу власти в обществе и её организации. Который, собственно, составляет не только *conditio sine qua non*, но и вообще Альфу и Омегу любых исканий и размышлений о Власти.

* См.: Ильин И.А. О монархии и республике. // Собр. соч. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 444–549.

** См.: Martin K. The Magic of Monarchy. N-Y., 1937.